

а денежную сумму, которую он, если не отдаст, должен будет вернуть с процентами. Именно так, на наш взгляд, фразу и следует понимать, приписывая предлогу *за* в предыдущей фразе то же значение, какое он имеет в грамоте № 730: *за три ногаты В (= две)*, где ‘две’, по-видимому, следует понимать как ‘2 ногаты’. *Лише* в таком случае — не частица, а компаратив, означающий ‘сверх, свыше того’. Ситуация представляется следующей: из суммы, которую автор был должен адресату, он отдал ему две гривны и предлагает остальное взять у попа, который в свою очередь должен автору. Перед нами, по-видимому, еще один аналог переводного векселя, тратты, какой Р. Факкани (2003: 231) опознал в грамоте № 590: *Поклоно ѿ Кура ко Борану і ко Кузми. Возми свою полтину у Ювана у выланина во Плотнищикома конци подо Борисоглибому*.

С учетом сказанного для заключительной части грамоты можно предложить перевод: ‘Остаток суммы, из которой ты взял у меня две гривны, возьми, Захарья, у попа. Если не даст, отдаст с процентами’.

№ 490 (1 пол. – сер. XIV в.; Г 21) [Г]. Встретившееся в грамоте сочетание *шити куны* было убедительно истолковано издателями на основе рассказа арабского путешественника XII в. Аль-Гарнати о существующей у славян практике соединять старые беличьи шкурки в связки, используемые как деньги. При этом фраза *а ты ко мни нь авишииса коуни шити ношю* была переведена: ‘а ты ко мне не придешь ли деньги шить ночью?’. Как возможная альтернатива вызывающему недоумение «ночному шитью» рассматривалась трактовка *ношю* как В. ед. от *ноша*. «Тогда можно догадываться, что требовалось шить меха для транспортировки куда-то в ношу, тюк или сорочек» (НГБ-VII: 84, 85). А. А. Зализняк пишет (НГБ-VIII: 211): «Слово *ношю* в конце грамоты не может значить “ночью”; это явно В. ед. “ношу”. Возможно, ношами назывались те самые связки шкурок, которые описываются в цитате из Абу Хамида Аль-Гарнати, приведенной в издании». Такое понимание отражает и перевод в ДНД (с. 547): ‘А ты ко мне всё не приходишь сшивать связку (букв.: ношу) шкурок’.

Существует, однако, еще один вариант истолкования данного места. В комментариях к грамоте до сих пор не учитывалась (не в силу ли акцентной инерции исходного *ночью*?) возможность понимания *ношю* как формы 1-го л. ед. ч. презенса глагола *носити*. Между тем такая трактовка дает хороший смысл, позволяя понять фразу как включающую два предложения: *а ты ко мни нь авишииса, коуни шити ношю* ‘А ты ко мне все не приходишь, я ношу шкурки сшивать’ (подразумевается: ‘вместо того чтобы делать это дома вместе с тобой’). Эта интерпретация, на наш взгляд, обладает рядом преимуществ. Она: 1) избавляет от необходимости предполагать специальное терминологическое значение слова *ноша*; 2) ликвидирует шероховатость в виде неожиданной в данном контексте формы единственного числа существительного; 3) устраняет обстоятельство цели при *не явишииса*, делая симметричным противопоставление: «я приходил к тебе во двор» — «ты ко мне не приходишь».

Заметим, что в предлагаемой трактовке ситуация грамоты обнаруживает еще большее сходство с тем, что описано у Аль-Гарнати: «А когда (*шкурки*) испортятся в их домах, они везут их в полувыюках, в разрезанном виде, направляясь к некоему известному рынку, где есть люди, а перед ними ремесленники. Они передают им шкурки, и ремесленники приводят их в порядок на крепких веревках и т. д.» (НГБ-VII: 85). Как видим, арабский источник описывает то, что вынужден делать автор грамоты в отсутствие своего компаньона: он носит шкурки (на рынок), где их сшивают специальные ремесленники.

№ 496 (2 четв. XV в.; Д 36) [3]. Что касается начала грамоты (*никое^в за мною рѣцѣи*), ср. еще: *вы мнѣ бра^тя своя, до васѣ нѣту рѣчи никоея же* (Ипат. [1150], л. 144).

№ 497 (40-е – сер. 80-х гг. XIV в.; Г 37) [Г]. Согласно Й. Схакену (2011), грамота характеризуется коммуникативной неоднородностью, а именно, заключительная фраза (*Ми вашего солова вохи не ѡставимо*) представляет собой ответ на приглашение, содержащееся в первой части документа (*Чоби есте поихали во городо ко радости моеи, а нашего солова не ѡставили, да Бого вамо радости*). Поскольку почерк в грамоте

один, Й. Схакен предполагает, что письмо Гаврилы Постни и ответ Григория и Улиты были записаны одним человеком — посыльным Гаврилы. Параллель к такой коммуникативной ситуации была позже найдена в египетском папирусе II в. н. э., содержащем письмо женщины к ее сестре и ответ на него, написанные одним писцом (Схакен 2013: 2–4). Данная трактовка объясняет как изменение характера письма во второй части грамоты, так и тот факт, что письмо с приглашением приехать в город было найдено в Новгороде и, следовательно, вернулось к отправителю.

№ 501 (кон. XIII – 1 пол. XIV в.; Г 32) [З]. Во фразе [п]о[р]е[н]и по размери ‘возьми по размеру (т. е. нужного размера)’ следует видеть не странный М. ед. от слова *розмѣръ*, а вполне обычный Д. ед. от варианта женского рода *розмѣра* — того же, что в грамоте Ст. Р. 41 (у *Херитана розмира*), хотя и не в точности в том же самом значении. В Слов. XI–XVII (21: 215) для слова *розмѣра* среди прочих есть пример, подходящий по смыслу к контексту грамоты № 501: *диаметръ сирѣчь размѣру* (из него не следует, впрочем, вопреки Слов. XI–XVII, что *розмѣра* имела именно значение ‘диаметр’: просто иноязычное слово было пояснено ближайшим по смыслу русским словом, пусть даже имеющим более широкое значение).

№ 507 (посл. четв. XII – 10-е гг. XIII в.; Б 141) [Г]. Для последовательности ...*доло*--*наша* вероятно конъектура: ... *доло(гъ) наша*. В таком случае последующее перечисление грехов (в В. падеже!) может быть понято как пояснение слов Господней молитвы, в которой, как известно, под долгами имеются в виду именно грехи. При таком понимании текста он оказывается структурно близок к грамоте № 17 из Торжка, представляющей собой приспособленную для нужд проповеди цитату из «Слова о премудрости» Кирилла Туровского. Такое же, как и в № 507, перечисление грехов поясняет в этом тексте иноказательное выражение ‘дети мачехи’ толкуемой притчи: *Мацешини же дети се соуте: гордосте, непокорение, прекословее, презоресво, хоула, клевета...*

№ 510 (кон. XII – 1 пол. XIII в.; В 3) [Г]. См. выше, в № 285, о конъектуре *исправите*.

№ 515 (XII в.) [Г]. Загадочный вид фрагмента, в первой строке которого читается адресная формула: *Ѡ аков(а)*, а во второй — последовательность *ззззз*, вызвал комментарий издателей, пронизательно сопоставивших его с известной записью в псковском Апостоле 1307 г. (ГИМ, Синод., 722, л. 180) : *Ѡ · з · з · з · з · з · в · море · патъ земля · двѣ тмѣ · море · ∴ · мудры | разумѣть* (Срезневский 1882: 171)¹⁰. «Из этой записи следует, что слово “земли” (множественное число) могло быть на письме изображено в графически изящном варианте “ззззз”, основывающемся на древнем названии буквы — “земля”. Возможно, что и в данном случае мы имеем дело с подобным написанием этого слова, а речь в письме Якова идет о землях» (НГБ-VII: 110). Это остроумное предположение наталкивается, однако, на следующее препятствие: частотное в берестяных грамотах слово *земля* десятки раз представлено в них в единственном числе и ни разу — во множественном; с другой стороны, трудно представить себе, чтобы это слово было столь изысканным образом закодировано в обычном деловом письме. Тем не менее мысль о связи грамоты № 515 с записью Апостола 1307 г. кажется перспективной. Прием, использованный в записи Апостола, перекликается с известной из ряда русских рукописных книг конца XIV в. практикой обозначения слов, являющихся названиями букв кириллического алфавита, самими этими буквами, написанными под титлом (*Ѡ* в таком случае читается как *азъ*, *Ѡ* как *добро* и т. д.)¹¹. Однако от рукописей, демонстрирующих этот прием, Апостол 1307 г. отделяет почти столетие; к тому же в записи Апостола (как и в грамоте № 515) мы видим сразу несколько одинаковых букв, над

¹⁰ В издании надпись ошибочно отнесена к написанному в том же 1307 г. Поликарпову Евангелию (ГИМ, Синод. 740).

¹¹ Специально о ней см.: Загребин 2006; Баранкова 2013. В последней работе приводится наиболее полный перечень восточнославянских рукописей, в которых выявлен данный прием. В него входят 11 кодексов, большинство из которых датированы концом XIV – началом XV в. Наибольшее количество примеров содержит Златая Цепь конца XIV в. (РГБ, ф. 304, № 11), где находим, в частности: *Ѡ* <азъ> *разоумѣхъ* л. 12 г; како израсти *Ѡ* <земля> *плодъ бесѣмени* л. 21 в; а *мы шно Ѡ* <слово> *рчемъ* л. 47 в.